

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ЛЕВ ДИАКОН О ТМУТАРАКАНСКОЙ РУСИ

Значение известий византийского писателя X в. Льва Диакона для истории древней Руси в настоящее время признается всеми. Как бы ни относиться ко все еще не совсем ясному в деталях вопросу об источниках его истории¹, все же несомненно, что этот труд является одним из ценнейших повествовательных памятников о русско-византийских отношениях X в., тем более, что он содержит наряду с подробным рассказом о балканских войнах Святослава² еще ряд небольших по объему, но чрезвычайно важных по значению сообщений о Руси. Правда, почти каждое из них требует особого критического рассмотрения, и, быть может, именно поэтому они еще не всегда надлежащим образом используются историками. Из работ, наиболее интересных по методике использования этих сообщений Льва, следует назвать статьи М. А. Шангина и Д. Моравчика³, хотя они и посвящены частным вопросам, а также экскурсы в крупных исследованиях по истории русско-византийских отношений⁴. Такому же частному вопросу посвящается и настоящая статья, не претендующая на полное и всестороннее освещение сложной проблемы Тмутараканской Руси (этот вопрос, по нашему убеждению, может получить исчерпывающее разъяснение лишь в результате основательного археологического изучения средневековых памятников Таманского полуострова) и являющаяся лишь попыткой анализа тех свидетельств Льва Диакона, которые истолковывались в литературе как доказательство существования в первой половине X в. то ли русского Тмутараканского княжества, то ли особой, не-киевской, Приазовской или Черноморской Руси⁵.

Лев Диакон упоминает о Киммерийском Боспоре три раза и во всех случаях связывает его с Русью. Так, рассказывая о первых мероприя-

¹ G. Wartenberg. Das Geschichtswerk des Leo Diakonos. BZ, B. VI, 1897; S. 106—111; его же. Leo Diakonos und die Chronisten. Ibid., S. 285—317; М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. ВО, т. II, вып. 1, 1916, стр. 106—166.

² Ср. П. Ю. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. ВВ., VI, 1953, стр. 36—71.

³ М. А. Шангин. Византийские мероприятия по охране границ. ИМ, 1941, № 4, стр. 89—92; Gy. Moravcsik. Zum Bericht des Leon Diakonos über den Glauben an die Dienstleistung im Jenseits. „Studia antiqua A. Salač septuagenario oblata“. Pragae, 1955, S. 74—76.

⁴ Например, М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 252 сл.

⁵ Обзор литературы см. И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения X—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, стр. 191—201.

тиях Иоанна Цимисхия, Лев сообщает, что император, желая примириться со Святославом, отправил к нему послов, которые должны были объявить русскому князю, чтобы он, получив обещанную еще Никифором Фокою награду за нападение на страну болгар, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору⁶. Получив отрицательный ответ Святослава, сообщает историк несколько дальше, Цимисхий снова отправил к нему послов и приказал им напомнить русскому князю о поражении его отца Игоря, который, „преступив клятвы“, приплыл к Константинополю с множеством хорошо снаряженных кораблей, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком ладей⁷. Наконец, в третьем месте сказано, что перед отправлением в поход против Руси Цимисхий направил в устья Истра византийский флот, чтобы „скифы“ не могли уплыть на родину и к Киммерийскому Боспору⁸.

Приведенные выше в почти дословном пересказе тексты как будто вполне ясны, однако в научной литературе они получили не совсем точное истолкование. Н. П. Ламбин писал, например, что Лев считал воинов Святослава „обитателями страны древних тавров и тавроскифов“, а страну эту как исконную родину руссов он указывает именно при Киммерийском Боспоре. Так, у него Цимисхий посылает напомнить Святославу о поражении отца его Игоря, который, поправ договоры, устремился на Царьград с несметными силами, но сам едва спасся бегством „и только с какими-нибудь десятью корабльщиками возвратился в Боспор Киммерийский“; в другом месте, говоря о приготовлениях Цимисхия к осаде Доростола, он замечает, что греческий огненосный флот вступил в Дунай для того, „чтобы скифам (т. е. Святославу и его Руси), если они обратятся в бегство, отрезать обратный путь на родину, в Боспор Киммерийский“⁹. Эта точка зрения была усвоена и Д. И. Иловайским, который уже без всяких оговорок повторяет, будто Лев приурочивает русских „преимущественно к берегам Черного и Азовского морей“, и, основываясь на этом свидетельстве, Иловайский говорит об „исконном существовании Руси Приазовской“¹⁰. В других местах Д. И. Иловайский высказывается еще более определенно, утверждая, что Лев Диакон считает родиной Руси страну, „прилежащую с Боспору Киммерийскому“, и прямо называет Боспор Киммерийский отечеством тавроскифов (т. е. Руси)¹¹.

Подобные заключения на основании указанных мест „Истории“ Льва Диакона можно встретить и у других историков. Так, например, С. А. Гедеонов считал именно эти тексты решающим доказательством существования Приазовской Руси¹². Даже Ф. Вестберг, отрицавший пребывание Руси у Керченского пролива до похода Святослава на ясов и касогов, приведя все три отрывка из „Истории“ Льва Диакона, комментирует их следующим образом: «Спрашивается, имел ли Лев Диакон ясное представление об очертании северного побережья Черного моря? Частое повторение выражения „Боспор Киммерийский“ там, где идет речь о родине русских, наводит на мысль, что этот пролив казался Льву Диакону прямой дорогой, ведущей в Россию»¹³. Такие

⁶ Leonis Diaconis Historiae libri decem. Bonnæ, 1828, p. 103.

⁷ Ibid., p. 106.

⁸ Ibid., p. 129.

⁹ Н. П. Ламбин. О Тмутараканской Руси. ЖМНП, 1874, январь, отд. 2, стр. 69 (подчеркнуто автором).

¹⁰ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси, 2-е изд., М., 1882, стр. 16, ср. стр. 54, 56, 58.

¹¹ Там же, стр. 286, 328.

¹² С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, т. III; это неизданное произведение цитируется по статье Ф. Вестберга (см. след. сноску).

¹³ Ф. Вестберг. Записка готского топарха. ВВ, XV, 1910, стр. 233—234.

утверждения встречаются и в современной исторической литературе, особенно в трудах В. А. Пархоменко, который в одной из своих работ повторяет, будто Лев Диакон „настойчиво утверждает, что Русь с походом на Византию возвращалась восвояси в Керченский пролив“¹⁴. Из этого В. А. Пархоменко делает парадоксальный вывод о завоевании полянами Киева при Игоре (в 40-х годах X в.) и помещает родину Руси в приазовские степи¹⁵.

В литературе встречаются и критические замечания по поводу такого истолкования текстов Льва Диакона¹⁶. Ст. Томашевский, например, подверг внимательному разбору труды В. А. Пархоменко и в связи с этим привел (в польском переводе) все относящиеся к данному вопросу отрывки из „Истории“ Льва. Однако он склонен, как и Ф. Вестберг, объяснять подобное истолкование нечеткостью географических представлений византийцев¹⁷. Имеются, правда, и вполне правильные объяснения указаний Льва, но они обычно весьма кратки, и авторы соответствующих работ не ставят целью проанализировать все высказывания Льва Диакона о Боспоре Киммерийском и о пребывании там русских в связи с действительными взглядами историка на местоположение родины тавроскифов — Руси¹⁸. Обратимся к оригинальному тексту „Истории“ Льва Диакона, тем более что большинство перечисленных авторов цитировали его в переводах или ограничивались одной ссылкой на соответствующие места. Точны ли имеющиеся переводы?

Первая цитата Льва в интересующей нас части гласит: „ἐπὶ τὰ σφῶν ἦθη καὶ τὸν Κιμμέριον μετανίστασθαι Βόσπορον“, что переведено Ш. Б. Газе: „ut... ad suas sedes et Cimmerium Bosporum se recipiat“¹⁹. Сразу бросается в глаза, что *μετανίστασθαι* отнюдь не имеет значения *recipiat*, ибо в греческом *μετανίστημι* заключены два значения: 1) переводить, переселять, перемещать и 2) переходить, тогда как *recipio* означает двигать назад, доставать назад (обратно), вести, направлять назад (обратно). Д. Попов, следуя здесь, как и во многих случаях, латинскому переводу, дает: „чтобы он... возвратился в свои области, к Киммерийскому Боспору“²⁰. Правильный перевод находим у Ст. Томашевского: *ażebę... wrócił do swych siedzib i do Bosforu Kimeryjskiego*²¹.

Второе место у Льва: „μόλις σὺν δέκα λέμβοις ἐς τὸν Κιμμέριον ἀφίκετο Βόσπορον“, Ш. Б. Газе переводит: „aegre cum naviculis decem ad Cimmerium Bosporum est reversus“²². Здесь такое же непонятное насилие

¹⁴ А. В. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924, стр. 71, ср. стр. 53 сл.

¹⁵ Ср. В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913; его же. Три центра древней Руси. ИОРЯС, 1913, № 2, стр. 79 сл.; его же. Русь в IX в. ИОРЯС, 1917, № 2, стр. 127 сл.; его же. Древляне и поляне. ИОРЯС, 1926, стр. 267 сл.; его же. Олег та Игор. ЗІФВ, IV, 1924, стр. 145 сл. Оценку этих работ см. в указанной статье И. И. Ляпушкина (стр. 198—199) и в рецензии Ст. Томашевского (см. ниже).

¹⁶ Например В. Новицький. Давне Лукомор'я. ЗІФВ, XXIV, 1929, стр. 30—32. Следует, однако, подчеркнуть, что вся эта статья не выдерживает научной критики, так как автор стремится „доказать“ будто Тмутаракань находилась в низовьях Днепра; см. рецензию В. В. Мавродина (ПІДО, 1935, № 9—10, стр. 221—226).

¹⁷ St. Tomaszewski. Nowa teoria o początkach Rusi. KN, r. XLIII, t. I, zes. 3, str. 317.

¹⁸ Kv. Bártoová. Igorova výprava na Cařihrad r. 941. BS, t. VIII, 1 39—1946, str. 103—106.

¹⁹ Leo Diaс., p. 103.

²⁰ История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей... переведенные с греческого на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820, стр. 63; ср. французский перевод у Шлемберже (G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du X s., Jean Tzimisçès etc. Paris, 1896, p. 41): „de regagner ta patrie du Bosphore Cimmérien“.

²¹ St. Tomaszewski. Op. cit., str. 316.

²² Leo Diaс., p. 106.

над текстом — из всех возможных значений ἀφικνεομαι выбирается для перевода revertor — возвращаться. Между тем первое и главное значение ἀφικνεομαι и в классическом, и в византийском языке — приходить, прибывать, затем — доходить, достигать, реже — вступать, иногда — постигать и лишь в последнюю очередь — возвращаться; Этьеновский Thesaurus переводит ἀφικνεομαι — pervenio, devenio (там же приведены многочисленные примеры). Д. Попов перевел в этом случае гораздо ближе к тексту: „едва только успел с десятью ладьями убежать в Боспор Киммерийский“²³, но в цитированном выше переводе Н. П. Ламбина сказано в соответствии с латинским reversus est „возвратился в Боспор Киммерийский“²⁴,

Наконец, в третьем месте у Льва Диакона сказано: „ὡς μὴ ἐνὸν εἴη τοῖς Σκύθαις, ἐς τὴν σφῶν πατρίδα ἐκπλεῖν καὶ τὸν Κιμμέριον Βόσπορον“, чему у Ш. Б. Газе соответствует: „ut Scythis... domum inque Cimmerium Bosporum renavigandi facultas auferretur“²⁵. Нетрудно видеть, что ἐκπλεῖν, означающее просто выплывать, отплывать, уплывать, неосновательно переведено как renavigandi — возвращаться морским путем, плыть назад. Д. Попов перевел и здесь более точно: „чтобы скифам... нельзя было уплыть в свое отечество“²⁶; однако Н. А. Ламбин пишет: „отрезать обратный путь на родину“²⁷.

Из сопоставления оригинала с переводами следует, что Лев Диякон нигде не говорит о возвращении Руси к Боспору Киммерийскому; другими словами, он не дает никакого повода утверждать, будто воины Игоря были там до похода против Византии или будто они выступили в этот поход с берегов Керченского пролива. Во всех трех местах такой смысл привнесен переводчиком, а так как Ш. Б. Газе не может быть заподозрен в недостаточном знании греческого языка, то остается лишь предположить, что соответствующая терминология была навеяна словами Лиутпранда. Кремонский епископ заканчивает, как известно, свое сообщение о походе Игоря фразой: „Inger... cum confusione postmodum ad propria est reversus“, и точно так же переводит Газе решающее место из Льва Диакона: „aegre cum naviculis decem ad Cimmerium Bosporum est reversus“²⁸. Однако возвращение ad propria далеко не равнозначно возвращению к Киммерийскому Боспору, и последнее является таким же ляпсусом перевода, как и известные Russorum chelandia гоаровского перевода „Хронографии“ Феофана²⁹. Приходится лишь выразить удивление, что и Н. П. Ламбин, и Д. И. Иловыйский, и обычно весьма точный в цитатах Ф. Вестберг, и В. А. Пархоменко, превративший неправильно им истолкованные выражения Льва

²³ История Льва Диакона Калойского... стр. 65. Ср. польский перевод Томашевского (op. cit., str. 316): „lecz z 10 (т. е. кораблями) zaledwie wrócił do Bosforu Kimeryjskiego“ и чешский в указ. статье К. Бартовой (стр. 103, прим. 53.—см. сноску 18): „stěží se dostal s 10 ztzoskotanými lodmi ke Kimmerskemu Bosporu“.

²⁴ Н. П. Ламбин. Ук. соч., стр. 69. С латинского переводит и Г. Шлемберже (op. cit., p. 43): „et dut s'en retourner avec dix petits bātiments“.

²⁵ Leo Diak., p. 129.

²⁶ История Льва Диакона Калойского... стр. 80.

²⁷ Н. П. Ламбин. Ук. соч., стр. 67.

²⁸ Liutprandus. Antapodosis. MGH, vol. V (SS, vol. III), p. 331; Leo Diak., p. 106. Можно предположить, что Газе, издававший Льва Диакона на средства известного русского мецената графа Н. П. Румянцева, занял в своем переводе указанных мест „Истории“ определенную позицию в чрезвычайно остро и оживленно обсуждавшемся в научной литературе начала XIX в. вопросе о русских на Тамани в связи с подлинностью Тмутараканского камня (см. А. Спицын. Тмутараканский камень. ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 103—114; А. Л. Бертье-Делагард. Заметки о Тмутараканском камне. ИТУАК, № 55, 1918, стр. 61—77).

²⁹ E. Kunik. Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, 2 Abt., Spb., 1845, S. 323—327.

Диакона в один из краеугольных камней своей теории, не дали себе труда обратиться к оригиналу цитируемого ими первоисточника и удовлетворились напечатанным на той же странице латинским переводом, согласно которому действительно получается так, будто Игорь предпринимал свой поход против Константинополя с берегов Керченского пролива.

Недоразумением, но основанным в данном случае уже не на латинском, а на русском переводе, является и отождествление Боспора Киммерийского с родиной Руси. Д. Попов дважды опустил в своем переводе союз *καί*, отделяющий в подлиннике упоминание о Киммерийском Боспоре от сообщения о родине Руси (справедливость требует отметить, что Ш. Б. Газе в обоих случаях перевел его), и там, где Лев Диакон пишет: „ἐπὶ τα σφῶν ἤθη καὶ τὸν Κιμμέριον μετανίστασθαι Βόσπορον“ и „ἐς τὴν σφῶν πατρίδα ἐκπλεῖν καὶ τὸν Κιμμέριον Βόσπορον“³⁰, в русском переводе сказано: „чтобы он... возвратился в свои области, к Киммерийскому Воспору“ и „чтобы скифам... нельзя было уплыть в свое отечество, к Киммерийскому Воспору“³¹. В первом случае следует перевести, „чтобы он... переселился к своим обиталищам и к Киммерийскому Боспору“, а во втором, учитывая расстановку слов в оригинале, *καί* можно перевести даже с некоторым усилением его значения: „отплыть к своему отечеству, а также к Киммерийскому Боспору“. Но это означает, что Лев весьма далек от того, чтобы видеть на берегах Керченского пролива „исконную родину руссов“ (Н. П. Ламбин), и что эта последняя не совпадает в представлении византийского историка с Киммерийским Боспором, хотя и находится неподалеку от него.

Касаясь вопроса о том, где же именно помещал Лев Диакон родину воинов Святослава, следует прежде всего отметить, что он был первым из византийских писателей, отождествивших народ Рос с тавроскифами. Он, правда, в этом отношении примыкает к традиции, берущей свое начало со времени первых столкновений византийцев с Русью. Так, уже составитель Амастридского жития, писавший ранее 842 г., сопоставил жертвоприношения языческой Руси с „древним таврическим избиением иностранцев“ („ἡ Ταυρικὴ ξενοκτονία“) и намекнул на преемственную связь между ними³²; Генесий, литературная деятельность которого приходится на время правления Константина Багрянородного, упоминает под 854 г. входящих в состав императорской гвардии „таврических скифов“³³; наконец, позднейшие хронисты, текст которых восходит, однако, к источникам предшествующей эпохи, говоря о первом нападении Руси на Константинополь, упоминают „грубый и дикий скифский народ Рос“, который, по их словам, „жил у северного Тавра“³⁴. Но только Лев Диакон прямо относит к народу Рос классическое имя тавроскифов. Сообщая об отправлении Калокира к Святославу, он выражается следующим образом: „ἐς τοὺς Ταυροσκόδας ἐξέπεμψεν, οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἶπεν ὀνομάζειν“, т. е. „отправил к тавроскифам, которых в обычной речи именуют Рос“³⁵. В другом месте Лев, как и составитель Амастридского жития, говорит о кровавых жертвоприношениях Руси,

³⁰ Leo Diaс., p. 103 et 129.

³¹ История Льва Диакона Калойского..., стр. 63 и 80. Cp. St. Tomaszewski. Op. cit., str. 316: „ażeby scytowie nie mogli uciec w swoje kraje do Bosforu Kimeryjskiego“; K. Bartova. Op. cit., str. 104: „aby scythové nemohli utéci do swych končin do Bosporu Kimmerskeho“.

³² В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. „Труды“, т. III, Пгр., 1915, стр. 64—65, ср. стр. СXXXVIII—CXLI.

³³ Genesius. Bonnae, 1834, p. 8: „τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ'ἐταίρειαν Σκόδας“.

³⁴ Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae opе... Bonnae, 1839, vol. II, p. 173; Zonaras. Lipsiae, 1868—1875, IV, p. 15. Cp. Nicetae Vita Ignatii. PG, t. 105, col. 516—517.

³⁵ Leo Diaс., p. 63.

которые он возводит к временам Анахарсиса и даже Ахилла, и добавляет: „Φόνος γὰρ εἰσέτι καὶ αἵματι τὰ νεῖκη Ταυροσκόδαι διακρίνειν εἰώδασι, т. е. „тавроскифы и теперь еще (курсив мой. — П. К.) имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием“³⁶.

В этом, по-видимому, можно видеть такой же намек на связь между древними таврами и Русью, какой усматривают в указании Амастридского жития на то, что „древняя таврическая ксеноктония“ сохранила свою силу у народа Рос еще во время набега на Амастриду³⁷.

То обстоятельство, что именно Лев Диакон впервые пришел к отождествлению Руси с тавроскифами, видно как из приведенного выше разъяснения, которое он счел нужным дать по этому поводу, так и из последовательности в применении данного термина. В самом деле, Лев называет воинов Святослава чаще всего просто скифами (63 раза), примерно одинаково часто росами (24 раза) или тавроскифами (21 раз), изредка таврами (9 раз)³⁸. С другой стороны, в рассказе Скилицы о русской войне при Святославе название „скифы“ фигурирует 37 раз, а „Рῶς“ — 24 раза³⁹. Так как содержание сообщений Льва Диакона об этих событиях восходит к общему со Скилицей утраченному источнику⁴⁰, то отсутствие у Скилицы термина „тавроскифы“ в приложении к русским подтверждает, что такое отождествление является плодом учености Льва Диакона. После Льва образованные византийские педанты уже именуют жителей Руси почти исключительно тавроскифами (Пселл, Агталиат, Анна Комнина), и В. Г. Васильевский с полным правом отмечал, что у византийских писателей со времени Льва Диакона русские постоянно называются тавроскифами⁴¹. Но где же помещали византийские ученые родину тавроскифов?

Название „тавроскифы“ появляется у поздних античных авторов; впервые оно засвидетельствовано у Птолемея, который помещает тавроскифов у низовьев Днепра, на Ахилловом беге: „παρὰ δὲ τὸν Ἀχιλλέως δρόμον οἱ Ταυροσκόδαι“⁴²; писавший несколько ранее Дионисий Периегет помещал там просто тавров; ему вторил и его византийский комментатор⁴³. Птолемей следовал, надо полагать, за Страбоном, который, однако, помещает за Ахилловым бегом не тавроскифов, а полуостров, „называемый Таврическим и Скифским“⁴⁴. Высказывание Плиния о населении Ахиллова бега, к сожалению, безнадежно испорчено переписчиками, и там, где старинные издания помещали тавров и скифов, сейчас читают „скифы-сарды“ (или „синды“?), несколько ниже Плиний упоминает скифотавров, но локализует их в горах Тавриды⁴⁵. Что касается тавроскифов, то о них сообщают уже только писатели истории Августов. Так, составитель биографии Антонина Пия указывает, что

³⁶ Leo Diac., p. 149, 150.

³⁷ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. СXXXVIII сл., ср. стр. 64—65 (текст).

³⁸ Leo Diac., IV, 6; V, 1—3; VI, 8—13; VII, 1, 3, 8—9; VIII, 1—10; IX, 1—2, 5—12; X, 10.

³⁹ Cedr., vol. II, p. 372, 384—388, 392—403, 405—412, 413.

⁴⁰ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. ВО, т. II, вып. I, 1916, стр. 106—166; П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. ВВ, VI, 1953, стр. 37—59.

⁴¹ В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. „Труды“, т. II, вып. 2, СПб., 1912, стр. 405.

⁴² Ptolemaios. Geographica, III, 5, 11 (SC, vol. I, p. 232).

⁴³ Dionysios. Periegesis, vers. 306 (SC, vol. I, p. 181; ср. Eustathii Commentarii, Ibid., p. 195).

⁴⁴ Strabo. Geographica, VII, 3, 19—4, 1, p. 308 C (SC, vol. I, p. 122).

⁴⁵ Plinius. Naturalis Historia, ed. T. E. Page, vol. 2. London, 1942, IV, 83 et 85; „гавань скифотавров“ на юго-восточном побережье Крыма упоминает также Арриан (Arriani Per., § 30 Müller, SC, vol. I, p. 224) и поздний перипл V в. н. э. (Anonymi Per., § 52 Müller, SC, vol. I, p. 283).

император „Olbiopolitis contra Tauroscythas in Ponto auxilium misit et Tauroscythas usque ad dandos Olbiopolitis obsides vicit“⁴⁶; отсюда можно заключить, что мнение о пребывании тавроскифов во II в. примерно там, где их помещал и Птолемей, т. е. в низовьях Днепра, укрепились твердо⁴⁷.

Вряд ли можно сомневаться, что тавроскифы Птолемея и Юлия Капитолина идентичны с теми крымскими скифами, чьи владения уже в середине II в. до н. э. доходили до Ольвии, где их царь Скилур чеканил медную монету; к ним же должно относиться указание известной надписи Т. Плавтия Сильвана, локализирующей их во времена Нерона в степной части Крыма и на Нижнем Днепре. Наконец, в середине и в конце I в. н. э. в Ольвии снова выпускаются золотые и серебряные монеты царей Фарзоя и Иненсимея⁴⁸. Большой интерес представляет в этой связи титулатура Боспорских царей: в первые годы н. э. Аспург именуется „царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, тарпитами, торетами, пессами и танаитами, подчинившим скифов и тавров“ („ὀποτάξαντα Σκόθας καὶ Ταύρους“) ⁴⁹; в дальнейшем отмечаются лишь победы над скифами⁵⁰, но в конце II в. Савромат II, по словам найденной в Танаисе надписи, „покорив и сирахов и скифов и подчинив по договору Таврику, сделал море у берегов Понта и Вифинии свободным для мореплавателей“⁵¹, а его сын Рескупорид (211—228 гг.) уже прямо называется царем всего Боспора и тавроскифов („βασιλεὺς τοῦ συνπάντος Βόσπορου καὶ Ταυροσκιδῶν“) ⁵². Если доверять второму из упомянутых выше свидетельств Капитолина, в пору, когда на Боспоре, по словам Зосимы, „царский род угас и верховную власть получили люди ничтожные и потерянные“⁵³, тавроскифы снова стали независимы, ибо персидский царь Шапур счел возможным обратиться к ним наряду с другими самостоятельными народами, причем „Bactriani et Hiberi et Albani et Tauroscythae Saporis litteras non reciperunt“⁵⁴.

К сожалению, дальнейшие судьбы крымских и нижнеднепровских скифов покрыты непроницаемым мраком, и искусственный термин „тавроскифы“ теряет всякое конкретное значение. Так, Прокопий употребляет его весьма неопределенно, указывая, что Херсон и Боспор лежат „на берегу за Меотийским озером, за таврами и тавроскифами“⁵⁵. Столь же неопределенны указания на „заморскую землю тавроскифов“ в житии Иоанна Готского, написанном между 815 и 842 г.,⁵⁶ или на Тавроскифскую епархию в относящемся уже к X в. житии херсонских мучеников⁵⁷.

К тому же X в. относится, однако, и попытка точно локализовать

⁴⁶ Iul. Capitolinus. Antoninus Pius, cap. IX.

⁴⁷ Упоминание о тавроскифах в биографии императора Валериана (Iul. Capitolinus. Valeriani duo, cap. VII) не дает основания для суждения о местах их обитания.

⁴⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 137—139; ср. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 27—32.

⁴⁹ IOSPE, vol. II, № 36; ср. недавно опубликованную надпись с тем же титулом — В. Д. Блаватский. Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, т. XVII, 1953, стр. 175, рис. 9.

⁵⁰ IOSPE, vol. II, № 26—27; ср. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 335.

⁵¹ IOSPE, vol. II, № 423; ср. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 335.

⁵² В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 111—112, № 3.

⁵³ Zosimos. Historia nova, I, 31, 2 (SC, vol. I, p. 790).

⁵⁴ Iul. Capitolinus. Valeriani duo, cap. VII.

⁵⁵ Procopios. De aedificiis, rec. J. Haury, vol. III, 2. Lipsiae, 1913, p. 101.

⁵⁶ В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского, стр. 401, ср. стр. 404 сл.

⁵⁷ В. В. Латышев. Жития св. епископов Херсонских. ЗАН, 8 серия, т. VIII, № 3, 1906, стр. 58.

Тавроскифию, представляющая тем больший интерес, что она принадлежит современнику Льва Диакона, автору составленной по Страбону компилятивной хрестоматии. Составитель этого труда, исполненного между 976 и 996 г., т. е. именно тогда, когда Лев трудился над своей „Историей“, изменяет текст страбоновой „Географии“ таким образом, что Тавроскифия оказывается у него совершенно особой землей, отличной от Скифии и от Тавриды; границами этой страны служат устья рек Борисфена и Каркинита, между которыми „лежит в виде полуострова Тавроскифия, южная часть которой представляет собой прямой берег, бег Ахилла“ („ἡ Ταυροσκυθία χερρόνησιζουσα, ἧς τὰ νότια μέρη εὐθεία ἐστὶν αἰγυάλος, ὁ Ἀχιλλεῖος δρόμος“) ⁵⁸. Несколькими строками ниже дается уже иная характеристика Ахиллова бега и прилежащих к нему местностей, которая довольно близко следует тексту Страбона ⁵⁹, но отождествление Тавроскифии с северной частью Ахиллова бега целиком принадлежит эпитоматору, использовавшему, по всей вероятности, другое место Страбона, где тавры названы скифским племенем ⁶⁰.

Сопоставляя домысел составителя географической компиляции, поместившего Тавроскифию на Ахилловом беге, с приложением имени тавроскифов к Руси, нетрудно отыскать и источник эпитоматора Страбоновой „Географии“ — незадолго до этого времени русских уже ставили в связь с Ахилловым бегом. Мы имеем в виду известное место у продолжателя Феофана под 941 г.: „οἱ Ῥῶς, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι“ (ср. под 904 г.: „Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται φερόμενοι“), т. е. „Росы, называемые также Дромитами“ ⁶¹. Еще А. А. Куник и В. Г. Васильевский с полным основанием видели в этих словах указание если не на происхождение Руси с низовьев Днепра, то во всяком случае на ту территорию, с которой росы совершали свои походы против Византии ⁶². „Дикая этимология“ византийского книжника („Δρομίται δὲ ἀπὸ τὸν ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγένετο“, т. е. „имя Дромиты дано им по той причине, что они могут быстро передвигаться“) ⁶³ не только филологически несостоятельна, но и опровергается Стефаном Византийским, который совершенно правильно производил от названия Ἀχιλλεῖος Δρόμος этникон Ἀχιλλεῖοδρομίτης ⁶⁴.

После всего сказанного становится ясно, что Лев Диакон, именуя Русь тавроскифами, отнюдь не связывал их непосредственно с Керченским проливом, но примыкал к тем писателям, которые помещали тавроскифов (т. е. русских) у низовьев Днепра, куда отступил после заключения договора с Цимисхием Святослав ⁶⁵. Таким образом, следует согласиться с В. Г. Васильевским, который заметил еще в 1878 г., что название „тавроскифы“ не содержит в себе никакого указания на жительство в Тавриде ⁶⁶; более того, можно утверждать, что под пером Льва Диакона это название заключает в себе указание на жительство

⁵⁸ Chrestom. Strab., VII (SC, vol. I, p. 166).

⁵⁹ Chrestom. Strab., VII = Strabo. Geographika, VII, 3, 19—4, 1 (SC, vol. I, p. 166, 167 et 122).

⁶⁰ Strabo. Geographika, VII, 4, 2 (SC, vol. I, p. 123).

⁶¹ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 423; ср. Symeon Magistri. Ibid., p. 746 et 707. Эта хроника обычно цитируется под именем Псевдо-Симеона.

⁶² А. А. Куник. О записке готского топарха. ЗАН, т. XXIV, 1874, стр. 114—116; В. Г. Васильевский. Византийско-русские исследования, стр. CCLXXX—CCLXXXI.

⁶³ Theoph. Cont., p. 707.

⁶⁴ Stephanos Byz. Ethnika, s. v. (SC, vol. I, p. 255—256).

⁶⁵ Leo Diacon., p. 157; ср. „Повесть временных лет“, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 52. Зимовка в этих краях воспрещалась Руси по договору Игоря с греками (см. там же, стр. 37).

⁶⁶ В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского, стр. 405.

вне Тавриды, а именно — на Ахилловом беге, в низовьях Днепра. Но чем же объяснить в таком случае, что во всех трех исследуемых нами местах „Истории“ Лев Диакон упоминает Боспор Киммерийский?

Нам представляется, что для ответа на этот вопрос следует выяснить источники, которыми пользовался наш историк при работе над соответствующими частями своей „Истории“.

Начнем с анализа сообщения Льва о бегстве Игоря после поражения к Керченскому проливу. Оно явно отмечено чертами, обнаруживающими литературное происхождение этого пассажа. В самом деле Лев Диакон указывает, что русский князь „ἐς τὸν Κιμμέριον ἀφίκετο Βόσπορον, αὐτάγγελος τῶν οἰκείων γερονῶς συμφορῶν“, т. е. „прибыл к Киммерийскому Боспору, сам возвещая о своем бедствии“⁶⁷. Этот оборот по существу является общим местом византийских известий об отступлении разбитых врагов; специально в известиях о Руси он фигурирует как в сообщении о первом нападении на Константинополь⁶⁸, так и в рассказе жития Василия Нового о походе Игоря, откуда попал и в русскую летопись: „καὶ ὀλίγοι ἐξ αὐτῶν διασωθέντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, διηροῦμενοι ἔκεισι τὰ συμβάντα αὐτοῖς“ (ср. передачу этого текста в Повести временных лет под 6449 г.: „тем же, пришедшим в землю свою, и повешаду кождо своим о бывшем“⁶⁹).

Житие Василия Нового было составлено несколько ранее того времени, когда Лев Диакон писал свое историческое сочинение, и, помимо отмеченной подробности, имеются еще некоторые другие соображения в пользу того, что он был знаком с этим житием. Так, Лев специально подчеркивает роль греческого огня в разгроме русского флота: воины Святослава, по его словам, „слышали от стариков своего народа, что этим самым огнем ромеи превратили в пепел на Евксинском море огромный флот Игоря, отца Святослава“⁷⁰; между тем византийские хроники, восходящие к Симеону Логофету, отмечают это обстоятельство лишь попутно и не уделяют ему особенного внимания⁷¹, а житие Василия Нового (и зависящая от него Повесть временных лет), напротив, приписывают победу исключительно действию этого страшного оружия. Так, в житии сказано: „В последующей стычке, орудуя и пользуясь так называемым светлым огнем или снарядам, наши жгли их. Было страшное зрелище, ибо, боясь огня, проклятые произвольно кидались в глубь моря, предпочитая утопиться в воде, чем быть сожженными огнем, но, уничтожаемые там и здесь, погибли по пророчеству святого (т. е. Василия Нового)“⁷². И в Повести временных лет летописец после краткого изложения этого сообщения вложил в уста удельщиков специальный рассказ о греческом огне: „и повешаду кождо своим о бывшем и о ляднем огне: яко же молонья, — рече, — иже на небесах, гръци имут у собе и се пушающе же жагаху нас, сего ради не одолехом им“⁷³.

⁶⁷ Leo Diac., p. 106.

⁶⁸ См. послание Антиохийского патриарха Иоанна императору Алексею Комнину, опубликованное в журнале „Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια“, т. XX, 1900, σελ. 358.

⁶⁹ А. Н. Веселовский. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. ЖМНП, 1889, январь, стр. 86; ср. „Повесть временных лет“, ч. I, стр. 33.

⁷⁰ Leo Diac., p. 144.

⁷¹ Подлинный текст Логофета утрачен; кроме славянского перевода, см. Leonis Grammatici Chronographia. Воннае, 1842, p. 324—325; Theodosios Melitenos, p. 231—233 (ed. Tafel, KBAW, MS, 1859); Hamartoli Cont., p. 841—843 (ed. Muralt.). Ср. также Theoph. Cont., p. 423—424 и другие хроники, помещенные в том же томе Боннского корпуса (p. 747 et 914—915); Cedr., vol. II, p. 315—316; Zonaras, IV, p. 63.

⁷² А. Н. Веселовский. Ук. соч., стр. 89 (перевод автора; ср. греческий текст — там же, стр. 86).

⁷³ „Повесть временных лет“, ч. I, стр. 33.

Наконец, Лев Диакон заимствовал из жития Василия Нового еще одну любопытную подробность. Речь идет о применении к Руси известной цитаты пророка Иезекииля (38, 2 и 39, 1), причем для нашей цели нет надобности рассматривать вопрос о том, правильно ли переведено у Семидесяти это место⁷⁴. Хотя В. А. Пархоменко уже давно высказал мысль о том, что еще первое нашествие Руси на Константинополь вызывало в воображении византийцев представление о библейском народе Рос, и это было подробно обосновано М. Я. Сюзюмовым, доказавшим, что и составитель Амастридского жития вполне определенно намекает на зловещее звучание самого их имени⁷⁵, однако обычно считают, что прямое отождествление таинственного народа Библии с конкретной живой Русью впервые встречается именно у Льва Диакона⁷⁶. Между тем уже в житии мы можем прочесть: «Он (т. е. Василий) рек мне (т. е. составителю жития): „Знаешь ли, чадо Григорие, что имеет приключиться с царством Ромеев в четырехмесячный срок?“ Я же говорю ему: „Не знаю, господин мой“. Он сказал: „Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос, и Ог, и Мог“ („βαρβάρων ἔθνος ἐλεύσεται ἐνταῦθα λυσσῶδῶς καθ' ἡμῶν, προσαγορευόμενος Ῥὸς καὶ Ὅγ καὶ Μόγ“); это же повторено ниже уже от имени Григория: „народ Рос, и Ог, и Мог идет на нас попушением божим за наши грехи“ („τὸ ἔθνος τῶν Ῥὸς καὶ Ὅγ καὶ Μόγ παραγίνεται ἰδοὺ καθ' ἡμῶν κατὰ παραχώρησιν θεοῦ διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν“)⁷⁷. Хотя здесь отсутствует прямое указание на Иезекииля, но объединение Роса, Ога (=Гога) и Мога (=Магога) не оставляет сомнения, что инок Григорий, составитель жития Василия Нового, уже вполне сознательно отнес к русским темные выражения библейского пророка, Лев же лишь следовал его примеру. „О том, — пишет историк, — что народ этот (т. е. Русь) безумно храбр, воинствен и могуч, о том, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: „Вот я навожу на тебя Агога и Магога, князя Рос“ („ὅτι δὲ τὸ ἔθνος ἀπονευοημένον, καὶ μάχιμον, καὶ κραταῖον, πᾶσι τοῖς ὁμόροις ἐπιτιθέμενον ἔθνεσι, μαρτυροῦσι πολλοὶ“)⁷⁸. В подчеркнутых мною словах содержится не только прямое признание использования первоисточников, но и достаточно данных для того, чтобы можно было сделать попытку определить эти источники. Сравнивая указанные слова с окружным посланием Фотия, мы видим, что цветистое выражение патриарха о Руси „τὸ παρὰ πολλοῖς πολλὰκις θρυλλούμενον“ (подразумевается ἔθρον) упростилось у Льва и превратилось в простое упоминание о „многих“ („μαρτυροῦσι πολλοὶ“), а замечание о порабощении соседних племен („τοὺς περὶ αὐτῶν δουλωσάμενοι“) свелось к указанию о „нападениях на всех соседей“⁷⁹. Что касается ссылки на Иезекииля, то она дана, очевидно, по памяти и под непосредственным воздействием жития Василия Нового. В Библии

⁷⁴ Вместо слов „ἄρχων Ῥώος“ перевод Акилы дает: „ἄρχων κεφαλῆς“, латинская Вульгата и блаженный Иероним пишут: „princeps capitis“; последний специально изучил это место и заключает свой разбор словами: „ex quo manifestum est, Rhos non gentem significare, sed caput“; ср. PL, t. 25, col. 556—557.

⁷⁵ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слова Ῥώος, Ῥωσία, Россия. ВДИ, 1940, № 2, стр. 121—123; ср. В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924, стр. 55—56.

⁷⁶ А. В. Соловьев. Византийское имя России, ВВ, XII, 1957, стр. 138; А. Флоровский. Князь Рош у пророка Иезекииля. Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925, стр. 515—516.

⁷⁷ А. Н. Веселовский. Видение Василия Нового, стр. 84 и 85 (ср. стр. 88—89).

⁷⁸ Leo Diac., p. 150. Единственная рукопись Льва дает τὸν Ἀγῶγ καὶ Μαγῶγ вместо ἐπὶ σὲ Γῶγ ср. Ὅγ в житии Василия Нового.

⁷⁹ Leo Diac., p. 150; Photios. Epistolai, I, 13, 35 (PG, t. 102, col. 736 = p. 178, ed. Valettas).

сказано: „Вот я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала“, и в другом месте: „Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала“⁸⁰. У составителя жития Василия Нового Рос, Ог (= Гог) и Мог (= Магог) превращены в названия племен, а неоднократно повторяющиеся в Библии имена Мешеха и Фувала опущены вовсе; отсюда можно заключать, что в его сознании угроза Руси Константинополю вызвала в памяти прежде всего Апокалипсис, где говорится, что накануне конца света сатана „выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога“, и что эти бесчисленные полчища окружают „стан святых и город возлюбленный“⁸¹; присоединив сюда упоминаемый Иезекиилем Рос, составитель жития и получил список трех народов. Лев Диакон также опускает Мешеха и Фувала, но иезекиилев „Гог в земле Магог“ обращается у него в двойное имя русского князя: „вот я навожу на тебя Агога и Магога, князя Рос“, т. е. и он также находится под влиянием Апокалипсиса.

Таким образом, имеются основания предполагать, что источником сведений Льва Диакона о походе Игоря было житие Василия Нового, причем не исключено, что, заинтересовавшись народом Рос и отождествив его с тавроскифами, которых его современники помещали на Ахилловом беге, византийский историк обратился и к окружному посланию Фотия. Но если это так, то и отнесение народа Рос (= тавроскифов) к местам, близким к Киммерийскому Боспору, находит свое объяснение. Уже Иосиф Флавий, хорошо знакомый византийским читателям, в том числе и Льву Диакону⁸², отождествлял библейский народ Магог со скифами⁸³; Феодорит Кирский, также известный Льву⁸⁴, прямо пишет: „Γὼγ καὶ Μαγὼγ — Σκυθικά ἐθνη“⁸⁵. Так как Русь уже до Льва именовалась у византийцев скифским народом (см. выше), то объединение ее с Гогом и Магогом было вполне закономерным. Локализуя этот народ, совершавший свои торговые и военные экспедиции к Константинополю от низовьев Днепра⁸⁶, на Ахилловом беге, где современные ему географы помещали тавроскифов, Лев стал жертвой собственной учености. В том же месте, где приведена цитата о Гоге и Магоге, историк пускается в рассуждения о похоронных обрядах Руси. Намек Фотия, говорящего об „эллинских“ (т. е. языческих) обычаях и верованиях народа Рос⁸⁷, дал Льву Диакону повод высказаться по этому предмету, причем он уже без обиняков приписывает воинам Святослава обряды древнегреческой религии („λέγεται γὰρ Ἑλληνικοῖς ὀργίοις κατόχους ὄντας, τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον θυσίας καὶ χοῶς τοῖς ἀποχωμένοις τελεῖν“, т. е. „говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по эллинскому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим“) и добавляет в пояснение, что они научились этому „то ли у своих философов Анахарсида и

⁸⁰ Иезекииль, 39,1 и 38,2; Толковая Библия, издание преемников А. Лопухина, т. VI. СПб., 1909, стр. 445, 446 и 450. Цитированное Львом место гласит в переводе Семидесяти: „Ἰδοὺ ἐγὼ ἐπὶ σὲ Γὼγ ἄρχοντα Ῥως κτλ.“. Ср. E. König. Zur Vorgeschichte des Namens Russen. ZDMG, Bd. LXX, 1916, S. 92—96.

⁸¹ Откровение св. Иоанна, 20, 7—8.

⁸² Leo Diac., p. 56.

⁸³ Flavius Iosephos. Ant. Iud., I, 122.

⁸⁴ Leo Diac., p. 162; ср. Theodoretus. Historia ecclesiastica, II, 26 (PG, t. 82, col. 1079—1080).

⁸⁵ Theodoretus. PG, t. 81, col. 1199—1200. См. также комментарии Андрея к Апокалипсису, XX, 7 (PG, t. 106, col. 414—418).

⁸⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1947, cap. IX, p. 78.

⁸⁷ Photios. Epistolai, I, 13, 35 (PG, t. 102, col. 736, 737). О значении слова „эллинский“ в византийское время см. В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха. „Труды“, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 179, 180.

Замолксиде, то ли у спутников Ахилла⁸⁸. Если источником сведений Льва об Анахарсиде и Замолксиде был Геродот⁸⁹, то в отношении Ахилла Лев дает, против обыкновения, точную ссылку: „Арриан пишет в своем Перипле, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмекион у Меотидского озера“. Мы не знаем, какой именно редакцией аррианова произведения пользовался Лев, но отрицать возможность этого не приходится: комментарий Евстафия к Периегету показывает, что вопрос о скифстве Ахилла интересовал византийских книжников. Евстафий утверждает даже, что в его время некоторые допускали существование двух Ахиллов, из которых один был скифским царём⁹⁰. Лев, правда, имеет в виду героя „Илиады“, так как он называет упоминаемого им Ахилла сыном Пелея; однако у византийцев спутники Ахилла, мирмидоняне, прямо отождествлялись с Русью⁹¹, так что мнение о скифском (таворскифском, русском) происхождении Ахилла вполне соответствует букве и духу тогдашней учености.

Упомянутый Львом Диаконом город Мирмекион хорошо известен археологам⁹², результаты последних раскопок показывают, что он существовал еще в IX в., о чем, впрочем, можно было догадываться и ранее, так как его упоминают некоторые писатели раннего средневековья⁹³. Во всех известных в настоящее время редакциях аррианова Перипла указание на происхождение Ахилла из этого города отсутствует⁹⁴, но нельзя утверждать с полной уверенностью, что в каком-либо из византийских списков или приписываемых Арриану позднейших периплов оно не могло отыскать себе места. Именно это указание вместе с данными составленной по Страбону хрестоматии, упоминавшимися выше, заставило Льва Диакона искать родину Руси вблизи Боспора Киммерийского. В самом деле, Мирмекион, отечество Ахилла, фигурирует в указанной хрестоматии, локализуясь в 20 стадиях от Пантикапея по направлению к проливу, на противоположном берегу которого, согласно тому же источнику, лежал городок Ахиллий⁹⁵. Имея в этой же хрестоматии и отождествление страны тавроскифов с расположенным в тех же далеких северных краях Ахилловым бегом⁹⁶ и опираясь на высказанное до него сопоставление Руси с дромитами, жителями Ахиллова бега, Лев Диакон вполне последовательно объединил все эти сведения в одно целое. Ахиллов бег вызывал в его представлении два ряда ассоциаций: с одной стороны, это название связывалось с Ахиллом, Ахиллием на Боспоре Киммерийском и расположенным там же Мирмекионом, родиной Ахилла; с другой стороны, Ахиллов бег, соединяемый в воображении его современников с Русью-дромитами и Русью-таворскифами, выступал в роли родины Руси. Не забудем, кроме того, что и самого Ахилла Лев Диакон считал родом скифом,

⁸⁸ Leo Diac., p. 150; В. Г. Васильевский („Записка греческого топарха“) не придает этим выражениям Льва такого смысла.

⁸⁹ Herodotos, IV, 76—77, 94—96; ср. Leo Diac., p. 5 и Herodotos, I, 8.

⁹⁰ Eustathii Commentarii, in vers. 306 (SC, vol. I, p. 195).

⁹¹ Michael Attaleiota. Historia. Bonnae, 1853, p. 87.

⁹² В. Ф. Гайдукевич. Археологическое изучение Мирмекия. МИА, № 4, 1941, 96—107; его же. Раскопки Мирмекия. МИА, № 25, 1952, стр. 135—219; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекия. МИА, № 85, 1958, стр. 185—218.

⁹³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 463, 467, 474—476. Ср. Iordanis Getica, ed. T. Mommsen. MGH, AA, t. V, p. 1, 1882, V, 32, p. 62.

⁹⁴ C. G. Brandis. Arrians' Periplus Ponti Euxini. „Rheinisches Museum“, Bd. LI, 1896, S. 10—126.

⁹⁵ Chrestom. Strab., VII (SC, vol. I, p. 168).

⁹⁶ Ibid., p. 166.

причем с его точки зрения это подтверждалось не только литературными свидетельствами, но и рядом реальных наблюдений над живыми скифами (т. е. русскими)⁹⁷. Из всей совокупности этих представлений и получалось, что родина тавроскифов — Руси как то связана с Боспором Киммерийским, вернее, с близкими к нему местами. Каждому, кто знаком с нечеткостью других географических сведений Льва Диакона, такое заключение не покажется неожиданным.

В результате проделанного анализа мы приходим к следующим выводам.

1. Лев Диакон нигде не говорит о возвращении воинов Игоря к Боспору Киммерийскому и не дает повода заключать о том, что у Игоря были владения на берегах Керченского пролива.

2. Вероятным источником Льва Диакона о походе Игоря является житие Василия Нового, причем вполне вероятно и знакомство Льва с окружным посланием Фотия по поводу нападения Руси на Константинополь в 860 г.

3. Лев Диакон был первым из византийских авторов, прямо отождествивших народ Рос с тавроскифами, которых кабинетные географы его времени помещали в районе Ахиллова бега.

4. Что касается отождествления Руси с библейским народом Рос, то и в этом отношении Лев следовал за житием Василия Нового.

5. Соединяя находившиеся в его распоряжении сведения в Руси, Лев, не имевший четких географических представлений о северных берегах Черного моря, пришел чисто книжным путем к выводу о том, что родина тавроскифов (т. е. русских) расположена недалеко от Боспора Киммерийского; однако нигде он не допускает прямого отождествления родины Руси с берегами Керченского пролива.

⁹⁷ Leo Diac., p. 150: „Явным доказательством скифского происхождения Ахилла служат покроем его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешком, белокурые волосы, светлосиние глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон следующими словами: «Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны» (Илиада, I, 177). Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием“. О плащах русских Лев, правда, не говорит нигде, но все прочие черты, приписанные здесь Ахиллу, он упоминает в разных местах своего сочинения; так, о воинах Святослава говорится, что они пехотинцы, и сражаться верхом для них дело непривычное (p. 134), и то же сказано в общей форме о Руси ещё раз (p. 140); в отношении цвета волос и глаз сошлемся на широко известное описание наружности Святослава (p. 157); о раздражительности и жестокости тавроскифов Лев говорит так часто, что нет необходимости приводить относящиеся к этому места. Да и указание на скрепленные застежкой плащи также соответствует действительности — русские древности предшествующего периода выделены Б. А. Рыбаковым главным образом благодаря наличию очень типичных древнерусских фибул; см. Б. А. Рыбаков. Древние руссы. СА, т. XVII, 1953, стр. 50—96.